

ДЕПОПУЛЯЦИОННЫЙ КРИЗИС: РЕГИОНАЛЬНОЕ ИЗМЕРЕНИЕ (НА МАТЕРИАЛАХ УЛЬЯНОВСКОЙ ОБЛАСТИ)

© 2014 А.Е. Лапин, Н.В. Залялова, О.А. Рябова*

Ключевые слова: демографический кризис, смертность, депопуляция, рождаемость, миграция, Ульяновская область.

Рассмотрены тенденции демографического кризиса в Ульяновской области, его причины и последствия. Анализируются этапы, характеризующие изменения численности населения региона с середины XX в., и дается краткосрочный прогноз дальнейшего демографического развития.

Конец первого десятилетия XXI в. для России ознаменовался появлением признаков стабилизации в динамике постоянного населения, что вызвано, прежде всего, превышением миграционного прироста над показателями естественной убыли. Однако в субъектах РФ ситуация складывается крайне противоречиво: 2/3 регионов характеризуются продолжающимися потерями по обоим вышеприведенным каналам. Меняется вклад каждого из них, но сохраняется общее направление депопуляции (а часто и абсолютные потери, как будет показано ниже на примере Ульяновской области). Поэтому, как считают авторы, говорить о преодолении демографического кризиса в нашей стране преждевременно. Более актуально продолжать изучение кризиса, сформировавшихся тенденций и факторов влияния, затем на этой основе оперативно разрабатывать и реализовывать новые меры государственной демографической политики с учетом региональных особенностей.

Приволжский федеральный округ (ПФО), занимающий около 6% территории России, концентрирует более 21% населения, которое, несмотря на экономический рост 2000-х гг., продолжает интенсивно уменьшаться: с 2007 г. сокращение составило 7% (2 млн чел.), в том числе за 2011 - 2012 гг. - более 1%. Определенный вклад в этот процесс вносит и Ульяновская область, которая по численности постоянного населения находится на 11-м месте из 14 субъектов округа (0,9% населения РФ). По состоянию на 1 января 2013 г. более низкая численность населения

отмечается в республиках Марий Эл, Мордовия и Чувашия. По данным Всероссийской переписи 2010 г. (ВПН-2010), за межпереписной период 2002 - 2010 гг. Ульяновская область оказалась одним из лидеров демографического кризиса в ПФО, заняв 2-е место по темпам депопуляции (-6,6%), а на 1-м месте Оренбургская область с показателем -6,7%¹. Общая динамика постоянного населения региона показана на рис. 1, ее изучение и анализ позволяют сделать следующие выводы.

Во-первых, после периода “бурного взлета” (1983 - 1995 гг.) наступили не менее радикальные времена, но с противоположным знаком: фактически за 1996 - 2013 гг. область лишилась всего человеческого капитала, сформированного во времена позднесоветского “беби-бума” 1980-х гг. (более 200 тыс. чел., или 14% от уровня 1995 г., когда был зарегистрирован исторический максимум)². Во-вторых, и это даже более важно, в отличие от показателей по РФ в целом, депопуляция Ульяновской области активно продолжается в настоящее время и признаков стабилизации ситуации пока не видно (в соответствии с официальными прогнозами Росстата, к 2020 г. произойдет сокращение еще на 80 тыс. чел. - средний вариант прогноза)³. В-третьих, глядя на рис. 1, уместно поставить вопрос о “границе невозврата” - до какой численности населения территории необходимо упасть, чтобы за счет внутренних ресурсов восстановление было бы практически невозможным? Очевидно, что однозначного ответа на данный вопрос для всех

* Лапин Анатолий Евгеньевич, доктор экономических наук, профессор, зав. кафедрой экономического анализа и государственного управления; Залялова Наталья Васильевна, магистрант; Рябова Ольга Александровна, магистрант. - Ульяновский государственный университет. E-mail: ulsu2013@mail.ru.

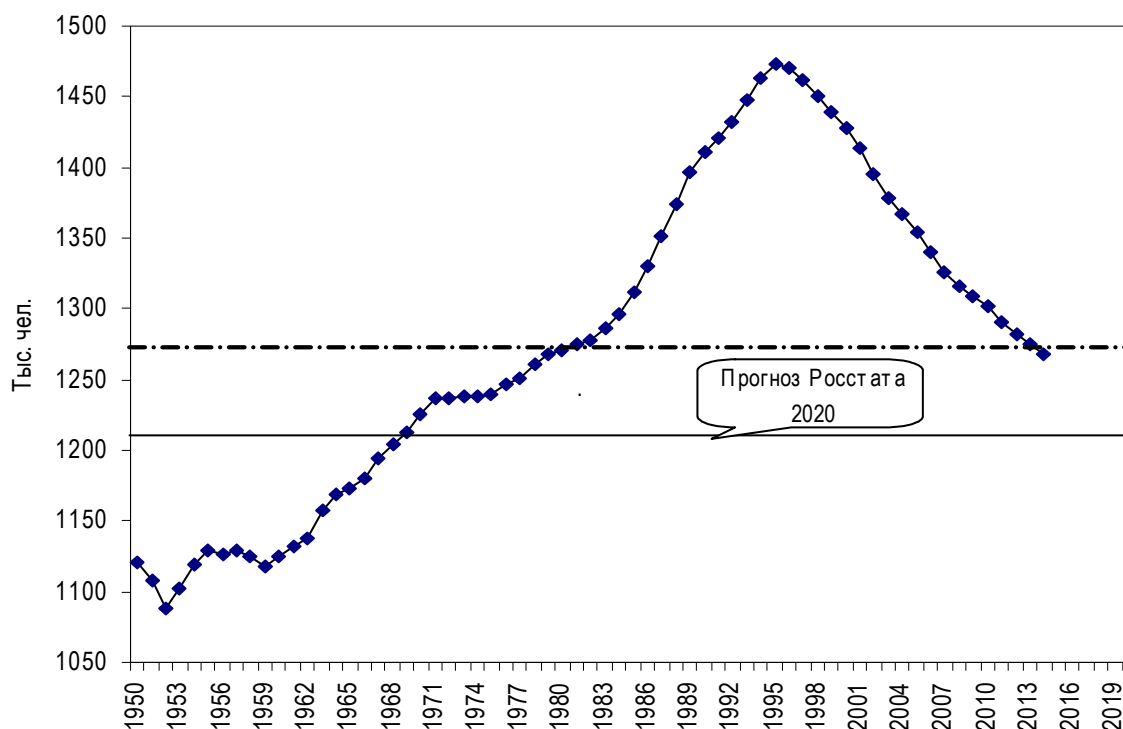

Рис. 1. Динамика постоянного населения Ульяновской области за 1950-2014 гг. (на 1 января)

Примечания: 1) Ульяновская область была образована 19 января 1943 г., авторам не удалось найти данные за 1943 - 1949 гг.; 2) на 1 января 2014 г. - прогноз авторов (линейная регрессия на основании базы месячных данных с 1 января 2011 г. по 1 июня 2013 г.); 3) с учетом корректировок после ВПН-2010.

субъектов РФ быть не может, тем не менее, по ряду косвенных оценок эта “сумеречная зона” находится в диапазоне 15 - 20%, т.е. необходимо потерять каждого пятого. Таким образом, как бы подобная граница ни рассчитывалась (что, в свою очередь, является предметом самостоятельных исследований), Ульяновская область стремительно к ней приближается и, если ничего не изменится, войдет в нее фактически через два года. В-четвертых, анализ месячной динамики исключительно хорошо укладывается в рамки модели линейной регрессии (рис. 2), что позволяет строить прогнозы с высокой степенью точности (особенно на среднесрочном горизонте), не опираясь на алгоритм передвижки возрастов и экстраполяционные подходы к миграции, принятые Росстатом. В-пятых, все вышеперечисленное говорит о неэффективности проводимой региональной демографической политики “сбережения” населения, хотя на данной территории, в отличие от многих других субъектов РФ, действует свой “пакет” мер стимулирования рож-

даемости (например, при рождении второго ребенка дополнительная региональная выплата к федеральному материнскому капиталу составляет 50 тыс. руб., третьего - 100 тыс., четвертого - 150 тыс., пятого - 200 тыс., шестого - 250 тыс., седьмого и последующих - 700 тыс. руб.). Это свидетельствует о наличии предельного эффекта использования мер материальной поддержки (не только материнского капитала, но и других выплат от государства) как главного направления выхода из демографического кризиса, принятого в РФ с 2006 г., о чем неоднократно указывалось в специальной научной периодике⁴.

В соответствии со сценарными прогнозами Росстата, сделанными в 2010 г., к 2013 г. Ульяновская область развивалась между средним (инерционным) и негативным вариантами прогноза (ближе к негативному)⁵, причем вызывает интерес тот факт, что официальная статистика “не угадала” компоненты депопуляции (миграционные потери оказались сильно заниженными, в то время как естественная убыль - завышенной), однако общий результат (как их сум-

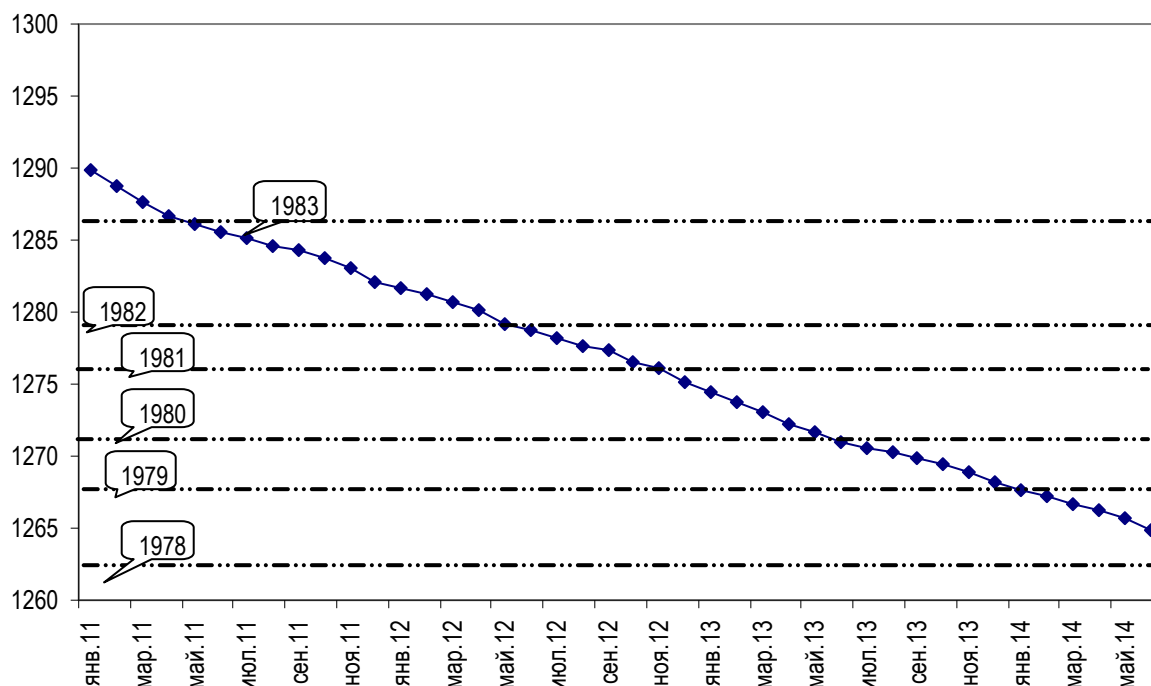

Рис. 2. Динамика постоянного населения Ульяновской области за 2011-2014 гг. (на 1 число каждого месяца, тыс. чел.)

ма) достаточно близко описывает реальное положение дел с народонаселением. Устойчивая понижающаяся тенденция, сформировавшаяся на протяжении последних 18 лет, негативные прогнозы на будущее, меняющаяся роль факторов депопуляции позволили авторам выделить наиболее значимые из них на ближайшую перспективу, которые должны стать основой изменений демографической политики в регионе, а может быть, и ее радикального пересмотра.

По оценкам авторов, начиная со второй половины 2013 г. или в 2014 г. в Ульяновской области снова начнет снижаться рождаемость вследствие сформировавшейся тенденции сокращения количества заключенных браков с 2012 г. (-6% к уровню 2011 г.), что, в свою очередь, является реакцией на исчерпание детородного потенциала "ядра" (возраст 20 - 25 лет) когорты женщин 1980-х гг. и началом этапа ее двукратного сокращения в 1990-х гг. Данный процесс будет продолжаться в течение всего текущего десятилетия, по окончании которого рождаемость может снизиться в 1,5 - 2 раза. Кроме того, будет сказываться эффект привыкания к мерам стимулирования многодетности и завершения реализации репродуктивных планов отложенных рождений женщинами старших возрастов.

Тенденция постепенного старения населения, очевидно, продолжится: если в 2003 г.

на долю лиц в возрасте старше трудоспособного приходилось 21%, в 2012 г. - 25%, ожидаемое значение к 2020 г. - не менее 30%. В этой связи следует ожидать начиная с 2014 - 2016 гг. увеличения смертности лиц, рожденных в конце 1940-х и начале 1950-х гг. Поскольку Ульяновская область занимает 3-е место в ПФО по количеству ВИЧ-инфицированных после Самарской и Оренбургской областей, некоторую добавку сюда внесет и увеличение смертности ВИЧ-инфицированных (при расчете периода дожития в 8 - 10 лет от начала заболевания), а также больных тяжелыми формами гепатита и туберкулеза. Начнут сказываться и последствия автомобилизации: в 2012 г. область выходит на максимальное количество пострадавших в дорожно-транспортных происшествиях за последние 15 лет, возрастают риски заболеваемости вследствие гиподинамии, активно распространяются психические нарушения: в 2012 г. количество людей, покончивших в Ульяновской области жизнь самоубийством, в 2 раза превысило потери от насильственной смертности (от убийств). Вместе с тем, возможно, ситуация начнет ухудшаться раньше: так, с начала 2013 г. регистрируется рост смертности (+3%), что авторы связывают прежде всего с резко возросшим потреблением алкоголя (+16% в эквиваленте чистого спирта

за I полугодие 2013 г. к аналогичному периоду 2012 г.).

Однако прогресс в сфере медицинских технологий частично компенсирует указанные процессы, поэтому не будет сильным преувеличением предположить сохранение смертности на достаточно высоком уровне, но стабильном.

На протяжении 2001 - 2012 гг. Ульяновская область характеризуется отрицательным сальдо миграционного обмена, причем 2012 г. вошел в "тройку" наиболее неблагоприятных годов по величине отрицательного сальдо миграции. Растущий отток, в первую очередь, молодежи и населения трудоспособного возраста, вызывается комплексом причин, среди которых:

а) низкая заработная плата (классическое подтверждение теорий миграции в моделях *labor economics*): с начала 1990-х гг. по уровню заработной платы регион занимает 65-73-е места среди субъектов РФ;

б) с лагом в 15 - 30 лет увеличивается мобильность лиц старших возрастов (воссоединение семей);

в) начинает сказываться эффект потерь от образовательной миграции, когда 25-30% абитуриентов ежегодно выезжают на учебу в другие субъекты РФ - в первую очередь, в Москву, Санкт-Петербург, Самару, Казань). Примечательно, что в 2012 г. впервые за всю историю высшего образования в Ульяновской области один из вузов региона не добрал студентов по инженерным специальностям даже на бесплатные бюджетные места, в связи с чем попал в "черный список" Минобрнауки России;

г) усиливается разрыв в структуре спроса на рабочую силу (рабочие места создаются в основном во вторичном секторе региональной экономики и характеризуются низкой оплатой труда, отсутствием перспектив карьерного и профессионального роста) и ее предложения (ориентация молодежи в первую очередь на получение высшего профессионального образования и рабочие места, относящиеся к первичному сектору);

д) полностью отсутствует миграционная политика на уровне субъекта РФ и муниципальных образований, в то время как в депо-

пуляции механические потери населения составляют около 50% и их вклад имеет явную тенденцию к увеличению (в 2012 г. также впервые в истории региона миграционные потери превысили естественную убыль населения);

е) общество привыкает к более высокому уровню трудовой мобильности в целом. Кроме того, завершение бума жилищного и коммерческого строительства приводит к отъезду рабочих строительных специальностей (в том числе гастарбайтеров из Средней Азии).

Особое внимание нам хотелось бы привлечь и к росту потерь населения в межрегиональном обмене вследствие побочного эффекта региональной политики усиления открытости Ульяновской области, когда более "рельефно" становятся видны не только потенциальные возможности региона (ориентация на иностранного и инорегионального инвестора), но и его слабые стороны (т.е. сильные стороны других территорий), возможности собственной самореализации за его пределами.

Продолжение депопуляции в регионах - тенденция не только настоящего, но и будущего (по крайней мере, в среднесрочной перспективе)⁶. Нарастающие потери человеческого капитала затрудняют самостоятельный выход субъектов РФ из демографического кризиса (наглядное приложение к демографии получает теория "порочных кругов нищеты" из *development economics*), что объективно требует территориально дифференцированной демографической политики федерального центра как более тонкого инструмента настройки народонаселения.

¹ О предварительных итогах Всероссийской переписи населения 2010 года // *Вопр. статистики*. 2011. № 6.

² *Лапин А.Е., Макарова С.И.* Демографический кризис: взгляд из региона // *Власть*. 2011. № 7.

³ Предположительная численность населения в Российской Федерации до 2030 года (статистический бюллетень) / ОИПД ГМЦ Росстата. М., 2009.

⁴ См., например: *Демографический переход - специфика российской модели* / Н.М. Римащевская [и др.] // *Народонаселение*. 2012. № 1.

⁵ Предположительная численность ...

⁶ Там же.

Поступила в редакцию 07.05.2014 г.